

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЮЖНЫЙ МЕТОДИСТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (США)
ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НАУЧНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ
ПРОФЕССУРА ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЕУСПБ
АО «ГОЗНАК»

Эпоха войн и революций

1914–1922

*Материалы международного colloquium
(Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года)*

The epoch of wars and revolutions

1914–1922

*Proceedings of St. Petersburg International Colloquium
(June 9–11, 2016)*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Э72

Издание осуществлено при поддержке АО «Гознак»

ГОЗНАК

Редакционная коллегия

Т.А. Абросимова, Б.И. Колоницкий (ответственный редактор), *Н.В. Михайлов,*
Д. Орловски (ответственный редактор), *П.Г. Рогозний, У. Розенберг,*
Н.Н. Смирнов, К.А. Тарасов, В.Ю. Черняев

Editorial board

T.A. Abrosimova, V.Iu. Cherniaev, B.I. Kolonitskii (principal editor), *N.V. Mikhailov,*
D. Orlovsky (principal editor), *P.G. Rogozny, W. Rosenberg, N.N. Smirnov, K.A. Tarasov*

Э72 Эпоха войн и революций: 1914–1922 : Материалы международного коллоквиума
(Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). — СПб. : Нестор-История, 2017. — 496 с.

ISBN 978-5-4469-1131-8

В книге представлены материалы 10-го Санкт-Петербургского международного коллоквиума по русской истории, который был посвящен сложному и противоречивому периоду. Организаторы коллоквиума предложили поместить Российскую революцию 1917 года в контекст более широкого революционного кризиса 1914–1922 годов, периода от начала Первой мировой войны до окончания Гражданской войны. Такой подход позволил рассмотреть процессы средней длительности и увидеть предпосылки и последствия событий между Февралем и Октябрем. Издание рассчитано на специалистов и всех интересующихся российской историей.

The volume presents proceedings of the 10th St. Petersburg International Colloquium on Russian History, which was devoted to a complex and contradictory period. The colloquium place the Russian Revolution of 1917 in the context of the wider revolutionary crisis of 1914-1922, the period from the outbreak of World War I to the end of the Civil War. This approach allowed to consider the processes of medium duration and see the prerequisites and consequences of events between February and October. The book is intended for specialists as well as anyone else interested in Russian history.

ISBN 978-5-4469-1131-8

9 785446 911318

© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *М.А. Гунькин*

Подписано в печать 02.05.2017. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 40,3
Тираж 200 экз. Заказ № 782

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86
По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

Содержание

Предисловие.....	7
------------------	---

Секция 1 ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

<i>Энтони Дж. Хейвуд.</i> Турецкие проливы, Великая война и Февральская революция	10
<i>Цуёси Хасегава.</i> Могла ли Февральская революция быть революцией либеральной?	22
<i>Вера Каплан.</i> Исторические общества и формирование памяти о Феврале в 1917 г.....	37
<i>Алистер Дикинс.</i> Легальный путь к революции: Потребительская кооперация и свержение царизма (случай Красноярска).....	50
Дискуссия	65
М. Стейнберг (65), В.С. Измозик (67), А.Г. Калмыков (73), А.И. Миллер (74), Б.Д. Гальперина (74), В.П. Булдаков (75), С.И. Гирик (76), В.И. Шишкин (76), Н.Н. Смирнов (77), У. Розенберг (80), Б.И. Колоницкий (80), Э.Дж. Хейвуд (81), В.В. Калашников (82), Э.Дж. Хейвуд (82), Ц. Хасегава (82), В. Каплан (83), А. Дикинс (86)	

Секция 2 РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО, РЕВОЛЮЦИЯ И СУД

<i>А.Б. Николаев.</i> Временные суды в Петрограде (март–июль 1917 г.): взлет и падение.....	87
<i>Аарон Б. Ретши.</i> Поиск справедливости в революции: местная судебная система Вятской губернии в 1917–1922 гг.....	100
<i>Мюррей Фрейн.</i> Милиция во время Русской революции 1917 г.: концепции и сравнения.....	112

<i>Ёсиро Икэда</i> . О разделении власти и единении власти в дискурсах российской революции 1917 г.	124
Дискуссия	137
Н. Катцер (137), В.Ю. Черняев (140), В.Б. Аксенов (145), Н.Ю. Черепенина (146), Б.Д. Гальперина (147), Б.Б. Дубенцов (147), В.П. Булдаков (148), У. Розенберг (149), Б.И. Колоницкий (150), В.С. Измозик (151), В. Каплан (152), В.И. Шишкин (152), М. Стейнберг (153), Е.Л. Варустина (154), А.Б. Николаев (154), А. Ретиш (159), М. Фрейм (160), Ё. Икэда (160)	

Секция 3

РЕВОЛЮЦИЯ И ВЛАСТЬ

<i>В.И. Шишкин</i> . Административная элита Сибири весной 1917 г.	162
<i>А.В. Посадский</i> . Народные элиты Гражданской войны: источники и пути формирования	175
<i>Александр Рабинович</i> . Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны (Некоторые предварительные выводы)	185
<i>К.А. Тарасов</i> . Выборная власть в Петроградском гарнизоне в 1917–1918 гг.: комитеты, командиры, комиссары	207
Дискуссия	222
З. Галили (222), В.В. Калашников (225), Д. Кoenкер (238), В. Каплан (238), В.П. Булдаков (238), А. Кушко (239), В.С. Измозик (240), У. Розенберг (241), Т.А. Абросимова (241), Д.А. Коцюбинский (242), И. Халфин (243), Б.Б. Дубенцов (243), В.И. Шишкин (244), А.В. Посадский (245), К.А. Тарасов (246)	

Секция 4

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

<i>Питер Холквист</i> . Оккупационная политика Временного правительства как освобождение на примере «Турецкой Армении»	248
<i>Сэмюэль Хирст</i> . Первые советские дипломаты в Афганистане и Турции в транснациональной перспективе	264
<i>Брендан МакГивер</i> . Реакция большевиков на антисемитизм в 1918 г.	277
<i>С.И. Гирик</i> . Коренизация до коренизации: интеграция «национальных кадров» в партийный и государственный аппарат УССР и БССР (1919–1923)	292

<i>Андрей Кушко</i> . Война и революция в Бессарабии: между автономией, федерализмом и национализмом (1917–1918 гг.).....	300
Дискуссия.....	317
К. Брюгеманн (317), А.И. Миллер (322), И.В. Лукоянов (324), З. Галили (327), В.П. Булдаков (327), Д.А. Коцюбинский (328), Б.И. Колоницкий (329), П. Холквист (329), С. Хирст (330), С.И. Гирик (331), Б. МакГивер (334), А. Кушко (335)	

Секция 5

КУЛЬТУРА И СОЗНАНИЕ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ

<i>В.Б. Аксенов</i> . Слухи и мифологемы Российской революции: классификация, особенности функционирования, сюжеты.....	337
<i>Н.В. Михайлов</i> . Язык революции: «Рабочая конституция» или рабочий контроль в 1905 и 1917 гг.....	351
<i>П.Г. Rogozный</i> . Духовенство против Церкви в 1917–1918 гг. («Церковный большевизм» и церковные большевики).....	375
Дискуссия.....	391
И. Халфин (391), Д. Коенкер (394), В.Ю. Черняев (398), Ё. Икэда (398), Ц. Хасегава (398), А. Кушко (399), М. Стейнберг (399), К.А. Тарасов (399), П. Холквист (400), А.В. Посадский (400), Л. Энгельштейн (401), Н.Н. Смирнов (401), А.И. Богомолов (402), Э. Хейвуд (403), Б.Б. Дубенцов (403), И. Халфин (404), Б.И. Колоницкий (404), В.И. Шишкин (405), В.В. Лапин (405), В.Б. Аксенов (406), П.Г. Rogozный (408)	

Секция 6

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

<i>Уильям Г. Розенберг</i> . «По ту сторону Великой Метаистории» Войны и Революции.....	409
<i>Дэниель Орловски</i> . Временное правительство: Взгляд через столетие.....	432
<i>Б.И. Колоницкий</i> . Генеалогия «вождя народа»: Образы лидеров и политический язык Российской революции 1917 г.	446
<i>В.П. Булдаков</i> . Революция и эмоции: к реинтерпретации политических событий 1914–1917 гг.....	460
Дискуссия.....	477
Ян. Плампер (477), В.В. Носков (480), П.Ю. Мажара (481), Н.Н. Смирнов (481), В.Б. Аксенов (482), В.С. Измозик (483), Ё. Икэда (483), Ц. Хасегава (484), М. Стейнберг (484), У. Розенберг (485), Д. Орловски (485), Б.И. Колоницкий (486), В.П. Булдаков (487)	

Заключительная дискуссия.....	488
Л. Энгельштейн (488), Н.Н. Смирнов (491), В. Каплан (492), Я. Плампер (493), В.В. Носков (493), П. Холквист (494)	
Сведения об участниках коллоквиума	495

Сэмюэль Хирст

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В АФГАНИСТАНЕ И ТУРЦИИ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В начале 1920-х гг. в Кабуле и Анкаре представители Советской России сотрудничали с местными коммунистами и вели подрывную деятельность против интересов Британской империи. Также дипломаты время от времени пытались поддерживать афганскую и турецкую экономическую политику. Антиимпериалистическая риторика правительств Амануллы-хана и Мустафы Кемалея создавала возможности для межгосударственного сотрудничества, что допускало трансляцию опыта самой Советской России. Так, после того как В.И. Ленин настоял в Москве на необходимости государственного контроля иностранных концессий, С.И. Аралов запросил из столицы детальную информацию о советской концессионной политике, чтобы предоставить примеры турецким коллегам в Анкаре¹. Концессионная политика послужила поводом для советско-турецкого взаимодействия, поскольку оба государства опасались потерять экономическую независимость. После Первой мировой войны Ленин много писал о концессиях, пытаясь понять, как можно заполучить иностранный капитал для восстановления России, но не допустить ущемления автономии своего правительства². Политические деятели Турецкой Республики при принятии законов, обязывающих иностранных концессионеров вести коммерческую деятельность на турецком языке и нанимать турецких граждан, исходили из других представлений³. Несмотря на все идеологические различия, советская корреспонденция из Анкары и Кабула свидетельствует о том, насколько легко принципы советской экономической политики могли быть переведены на языки бывших полуколоний.

Послевоенные правительства в Москве, Кабуле и Анкаре объединяла, помимо прочего, тревога по поводу своей экономической неразвитости по сравнению с Западом. Идея о том, что государство обязано обеспечить продуктивность иностранных капиталовложений для развития национальной экономики, рефреном проходила через дипломатическую корреспонденцию. Когда Я.З. Суриц говорил об английском и французском капитале как о «хищническом», он намекал на то, что разграбление природных ресурсов колоний не сыграет исторически прогрессивной роли. С другой стороны, переговоры советских дипломатов с афганскими

¹ Письмо С.И. Аралова Г.В. Чичерину. 28 февраля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2204. Л. 50.

² Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.

³ Koraltürk M. Erken Cumhuriyet Döneminde Ekonominin Türkleştirilmesi. İstanbul, 2011.

и турецкими партнерами о возможности продуктивного использования немецкого или итальянского капитала выражают их надежду на то, что с надлежащими мерами предосторожности иностранный капитал мог быть использован для обеспечения промышленного роста¹. Желание обеспечить экономическую независимость через регулирование отношений с Западом способствовало сотрудничеству Советской России с такими государствами, как Афганистан и Турция.

В некотором смысле здесь нет ничего удивительного. Исследования советской национальной политики показали, что представления об историческом развитии нации сформировали политический курс Москвы по отношению к бывшим колониальным народам в составе СССР². Несмотря на то что исследователи советской национальной политики подчеркивали приверженность советского государства политической и культурной автономии, нетрудно догадаться, как советские понятия о развитии наций, возникшие из потребности экономической интеграции территорий бывшей Российской империи, могли ориентироваться на экономическую независимость бывших колониальных народов на территории других государств³. Недавние работы о советской внешней политике, бесспорно, выявили центральное место экономических вопросов в дипломатии Советской России⁴.

И все-таки на фоне всё увеличивающегося потока публикаций о транснациональных связях после Первой мировой войны переписка таких фигур, как С.И. Арапов, Я.З. Суриц, Ф.Ф. Раскольников и Л.М. Рейснер, выходит на новый уровень значимости. В своей книге «Вильсоновский момент» Эрез Манела рассматривает язык национального самоопределения в строго политических терминах и делает вывод, что вариант национального самоопределения Советской России приобрел популярность в колониальном мире только после краха либерализма Вудро Вильсона⁵. Адам Туз возвращает экономическую тематику в повествование о политических событиях после Первой мировой войны и обращает внимание на узкие рамки исследования Манелы, но, как и Манела, Туз создает историю, в высшей степени ориентированную на Америку⁶. В то же время Туз отмечает, что хотя число наций увеличилось после Первой мировой войны, возросли и их опасения за свой суверенитет, принимая во внимание мощный потенциал новых международных политических и финансовых организаций. Именно в контексте этой обеспокоенности

¹ См., напр.: Письмо Сурица Карахану. 19 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С-Турция. Д. 103. Л. 16.

² *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. N 2. P. 414–452; *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005.

³ *Payne M.* Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, 200; *Khalid A.* Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. N 2. P. 232.

⁴ *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму»: очерк истории. СПб., 2002; Москва–Рим: Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2002.

⁵ *Manela E.* The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anti-colonial Nationalism. Oxford, 2007.

⁶ *Tooze A.* The Deluge: The Great War, America and the Making of the Global Order, 1916–1931. N. Y., 2014.

по поводу независимости Советская Россия играла важную роль по крайней мере в Афганистане и Турции.

Первая половина этой статьи посвящена двум годам, которые Раскольников и Рейснер провели в Афганистане, и раскрывает мотивы, заставившие их перейти на язык экономических терминов в своих рассуждениях о стране. Вторая часть относится к тому же временному периоду в Турции, где Аралов вел переговоры об экономическом развитии с турецкими коллегами с первого дня своего прибытия. Неудача Аралова в Анкаре служит ярким подтверждением того, что советские дипломаты не просто экспортировали идеи из Москвы, им приходилось многому учиться в своих поездках. Фокус внимания на Кабуле и Анкаре исключает Тегеран и Улан-Батор, помимо других столиц, но личность Сурица во многом способствует установлению связей между ними. Из всех дипломатов, упомянутых в данной работе, Суриц, несомненно, добился большего успеха, чем другие, но не только широта взглядов Сурица проходит красной нитью через всю хронику. Он был предшественником Раскольникова в качестве представителя Москвы в Кабуле и стал преемником Аралова в Анкаре. Это пересечение отражает повторяющиеся опасения относительно экономической зависимости от Запада и подчас далекие от реалий идеи о том, как Советская Россия могла содействовать в противостоянии этой зависимости.

Кабул. 1921–1923

Раскольников и Рейснер прибыли в Кабул 16 июля 1921 г., и на тот момент они могли и не думать о своих хозяевах в национальных категориях¹. Москва, которую они покинули, уже становилась транзитным узлом в международной сети антиколониализма. Индусские революционеры внушили Ленину в Москве надежду на то, что антианглийские настроения, подпитываемые в Афганистане, перетекут в Индию². Раскольников и Рейснер были осведомлены об этих разговорах и понимали, что Кабул был космополитическим городом³. Ведь Афганистан являлся отправной точкой для революции не только в Индии. Когда османский офицер Казим⁴ в 1916 г. приехал в составе османско-немецкой делегации, его успех зависел не только от разделяемых многими идей антиколониализма, но и от модернизационных идей, объединяющих определенную часть мусульманского мира. Раскольников и Рейснер не могли не знать о деятельности Казима, поскольку он сыграл весомую роль в привлечении внимания советского руководства к Афганистану⁵. Незадолго до того, как Рейснер и Раскольников отправились в Кабул, афганские и турецкие представители заключили в Москве соглашение о дружбе. Трехсторонние отношения между Анкарой, Москвой и Кабулом оставались крайне важными

¹ Письмо Раскольникова Чичерину. 25 августа 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 51.

² Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан, 1919–1929. Иркутск, 1998. С. 16–17.

³ См.: Stolte C. “Enough of the Great Napoleons!” Raja Mahendra Pratap’s Pan-Asian Projects (1929–1939) // Modern Asian Studies. 2012. Vol. 46. N 2. P. 403–423.

⁴ Kazim Orbay.

⁵ См.: Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан... С. 9; Adamec L. Afghanistan’s Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century: Relations with the USSR, Germany, and Great Britain. Tucson, 1974; Hughes T.L. The German Mission to Afghanistan, 1915–1916 // German Studies Review. 2002. Vol. 25. N 3. P. 447–476.

все первые годы второго десятилетия XX в. Иранский антиколониализм был также известен Рейснер и Раскольникову, поскольку они боролись за быстро распавшуюся Социалистическую Республику Гилян в 1920–1921 гг.¹ И всё же, несмотря на все эти связи, Рейснер и Раскольников видели свою миссию в Афганистане в местных и ограниченных условиях.

Раскольников приехал в Афганистан вскоре после заключения первого советско-английского торгового соглашения, и он ясно понимал, что стадия мировой классовой революции сменялась периодом межгосударственных отношений. Столкновение с англичанами было в конечном итоге неизбежно, но на первых порах ему приходилось вести себя более дипломатично, чем в Иране². Годом ранее Раскольников умолял Ленина и Троцкого разрешить ему остаться в Иране нелегально, чтобы «исполнить мой долг революционера до конца»³. В Афганистане Раскольникову приходилось прикладывать усилия, чтобы соблюдать закон: он «сугубо конспиративно» поддерживал отношения с индийскими революционерами⁴. Примечательно, что Раскольников первое время не проявлял большого интереса к афганской экономике, равно как и к афганской политике. В письмах в Москву Раскольников подчеркивал, что он и афганский эмир Аман-Аллах почти не говорили «о социально-политическом положении Афганистана, об его внутренней политике», ограничиваясь «темами внешней политики»⁵. Задачей Раскольникова была выработка антианглийской внешней политики; яростнее же всего он боролся с чувством «национальной гордости» афганцев. Раскольников сожалел, что «Афганистан совершенно не похож на Персию, которая в течение целого ряда лет уже привыкла к роли слепого орудия в руках той или иной иностранной державы»⁶. Высказывание Раскольникова о русско-английском противостоянии в борьбе за Иран свидетельствует о том, что в начале своего пребывания в Кабуле он представлял геополитику как биполярную систему, в которой Афганистан союзничал либо с Москвой, либо с Лондоном.

Но если Раскольников изначально и полагал, что Афганистан стоял перед взаимоисключающим выбором между советским и английским партнерством, то вместе с Рейснер они постепенно начали выступать за поддержку Афганистана, которая позволила бы этой стране наметить самостоятельный путь. Убедить Москву было непростой задачей: в конце первого отчета Раскольникова из Кабула Сталин написал презрительный ответ: «Большие мошенники эти афганцы»⁷. Стараясь привести аргументы в пользу оказания помощи Афганистану, Раскольников и Рейснер неоднократно провозглашали, что Советская Россия может и должна предложить механизмы для обеспечения независимости государствам, которым грозило экономическое господство империализма. Эти доводы уже больше не обосновывались тем, что Афганистан станет советским союзником; не было и обещаний преобразований социального строя, не говоря уже о социалистическом будущем.

¹ Персиц М.А. Персидский фронт мировой революции: Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). М., 2009.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2128. Л. 2.

³ Персиц М.А. Персидский фронт... С. 51.

⁴ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 70.

⁵ Там же. Л. 76–77.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2128. Л. 12.

Попытки Раскольников и Рейснер добиться содействия Москвы осложнялись местоположением Афганистана на советской границе¹. С точки зрения большевиков в Ташкенте, и тем более на любой военной базе на реке Пяндж, Афганистан был скорее врагом, чем союзником. Из-за незащищенности границ в 1920-х гг. возник целый ряд конфликтов, что в большой степени сформировало представления об Афганистане в советской Средней Азии². Большевицкое руководство в Ташкенте видело в связях Аман-Аллаха с басмачеством следы панисламизма, что только укрепляло их убежденность в реакционном характере афганской политики³. Из-за пограничных конфликтов и страха Советской России перед панисламизмом историки часто пишут о взаимодействии Москвы с Афганистаном как о временном, циничном союзе⁴.

Большевики в Кабуле тем не менее основывались на позициях, определяемых скорее глобальной логикой империализма, чем особенностями Средней Азии. Раскольников приехал в посольство Советской России в 1921 г. на смену Я.З. Сурицу, и в то время, что они пересекались в полпредстве, обозначились значительные расхождения во мнениях. Раскольников и Суриц во многом были солидарны друг с другом, но в декабре 1921 г. Суриц предпринял необычный шаг, отправив в Москву письмо с объяснением своего несогласия со старшим коллегой. Раскольников заблуждался, настаивал Суриц, полагая, что Афганистан будет сотрудничать либо с Англией, либо с Советской Россией, — внешняя политика больше не была для афганского правительства приоритетом. Суриц заявлял, что Аман-Аллах сосредоточился на внутренних проблемах страны, и что война с кем бы то ни было в принципе была невозможна. Англия, в свою очередь, начала новую гонку за экономическим доминированием. «Это, прежде всего, путь концессий, — говорил он, — путь просачивания в хозяйственный организм, во все стороны экономической жизни и отсюда распространяющих свое влияние на политическую»⁵. И всё же Суриц призывал к спокойствию, несмотря на ограниченные экономические возможности большевиков. По мере того как английская политика двигалась к «неизбежной сейчас «колониционной» полосе», задачей большевиков становилось предложить незыблемую дипломатическую поддержку Афганистану и любую экономическую помощь, которую они только могли мобилизовать. Суриц взял слово «колониционная» в кавычки и подчеркнул медленный ход этого процесса. Он ссылался на со-

¹ Во многих недавних работах, посвященных большевистской национальной политике в Средней Азии, Афганистан грозно маячит на горизонте. *Northrop D. Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Cornell, 2003. P. 39–40, 136, 168; *Keller S. To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941*. Westport; Praeger, 2001. P. 44–48; *Edgar A. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton, 2004. P. 67.

² О границе см. *Shaw C. Friendship under Lock and Key: The Soviet Central Asian Border, 1918–1934 // Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. N 3–4. P. 331–348.

³ Камолуддин Абуллаев объясняет пограничные конфликты проявлением афганской государственности, а не панисламизмом. См.: *Абдуллаев К. Эмир Аманулла и Советская Средняя Азия // Афганистан и безопасность Центральной Азии / Под ред. А. Князева*. Бишкек, 2005. С. 148.

⁴ *Noorzooy M.S. Long-term Economic Relations between Afghanistan and the Soviet Union: An Interpretive Study // International Journal of Middle East Studies*. 1985. Vol. 17. N 2. P. 151–173; *Stone D.R. Soviet Arms Exports in the 1920s // Journal of Contemporary History*. 2013. Vol. 48. N 1. P. 57–77.

⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 81.

общения в индийской прессе о железнодорожных изысканиях и утверждал, что «пожертвование» англичанами телеграфной проволоки являлось попыткой получить концессию для развития телеграфа в Афганистане. Суриц отстаивал тезис, что большевики больше не должны пытаться заполучить Афганистан в качестве союзника в борьбе с Англией — их целью должно было стать предотвращение последовательного экономического порабощения страны¹. Говоря о «колониационном» процессе, Суриц намекал на постепенную утрату экономической независимости Османской империи и Ирана в конце XIX в. и обязанность Советской России бороться против подобного хода событий.

Постепенно узнававшему положение дел в Кабуле Раскольникову в итоге стала ближе точка зрения Сурица. Одной из миссий Раскольникова стала демонстрация того, что большевики могли уменьшить экономическую зависимость Афганистана от Англии. Его важнейшей задачей было удостовериться в выполнении Москвой условий советско-афганского соглашения 1921 г., согласно которому Советская Россия давала обязательство направить туда финансовую помощь и военную технику. Однако его амбиции этим не ограничивались². В апреле 1922 г., учитывая бедственное положение Советской России, Раскольников обратился в Москву с просьбой рассмотреть возможность использования «германского экзотического капитала», а именно возможность переправления немецких денежных средств через Москву для инфраструктурного развития Северного Афганистана³. Идея использования немецких денег импонировала Раскольникову по той же причине, что и Аман-Аллаху: оба были убеждены в том, что условия Версальского договора не позволяли Германии превратить экономическое влияние в установление политического господства в Средней Азии⁴. В октябре Раскольников снова подчеркнул переход от мировой войны и революции к новой, «более ровной и спокойной полосе наших отношений с Афганистаном»⁵. Его телеграммы, предшествующие этому выводу, означают, что он с пристальным вниманием следил за прибытием итальянской делегации для обсуждения экономических отношений с Афганистаном⁶. Итальянские представители даже обратились к Раскольникову в надежде на сотрудничество в экономической сфере, чтобы оказать противодействие Британской империи⁷. В своем письме, посвященном этой новой фазе советско-афганских отношений, Раскольников посвятил первую содержательную часть «борьбе за экономическое влияние»⁸. Он описывал мечты англичан поработить афганскую экономику, а также стремление итальянцев этому противостоять. По большому счету, уверял он, наблюдать приходилось аналогичное столкновение интересов, которое прослеживается во взаимодействии итальянцев и англичан в отношении Турции. Раскольников заключал, что «сейчас не приходится терять времени», что «Наркоминделу

¹ О «колониационном» плане см.: *Masoero A. Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept // Kritika. 2013. Vol. 14. N 1. P. 59–91.*

² РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 52.

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2179. Л. 112.

⁴ *Nicosia F. "Drang Nach Osten" Continued? Germany and Afghanistan during the Weimar Republic // Journal of Contemporary History. 1997. Vol. 32. N 2. P. 235–257.*

⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2129. Л. 45.

⁶ См.: Там же. Л. 151.

⁷ Там же. Л. 46.

⁸ Там же.

следует немедленно сделать распоряжения о передаче помощи» Афганистану, и что Москва должна незамедлительно выполнить условия договора 1921 г. Эта помощь вовсе не обязательно сделала бы Афганистан союзником, но она могла бы сохранить экономическую независимость страны¹.

Вне дипломатических кругов в Москве обращения Раскольникова наталкивались на глухую стену. Политбюро отказалось санкционировать ежегодные субсидии, закрепленные в договоре 1921 г., и уж тем более выделять дополнительные средства². Даже после получения прошений из Кабула Политбюро продолжало прислушиваться к Ташкенту³. Лишь 1 марта 1923 г. Политбюро приняло решение, согласно которому Раскольникову предстояло провести передачу обещанных боеприпасов, но строго на условиях предоставленной им гарантии, что вооружения не будут использованы против Советской России⁴. В том же месяце разочарованные косностью Политбюро Рейснер и Раскольников получили долгожданное известие о том, что их ссылка в Кабуле в скором времени завершится. Рейснер отправилась в Москву в одиночестве, Раскольников последовал за ней через несколько месяцев.

Письма Рейснер Раскольникову с дороги и из Москвы повествуют о ее личной кампании по оказанию поддержки Афганистану. В Кандагаре Рейснер обнаружила, что один из ее недавних очерков получил негативные отзывы в Москве: «Не время в столь “сочувственном” тоне писать об Афганистане»⁵. Еще в Кандагаре она столкнулась с коллегами, нетерпимо относящимися к Кабулу, и тревожилась, что Москва «была охвачена эпидемией кушкинской и ташкентской информации»⁶. С советско-афганской границы к северу от Герата Рейснер в полном отчаянии писала, что многие рассматривали Афганистан исключительно как территорию пограничных конфликтов. Находясь в Ташкенте и услышав заявление: «У нас нет почвы для экономического сближения с Афганистаном», Рейснер уверяла мужа, что «грызла вчера подушку и ревела, как дура, всю ночь»⁷. Характерна и оценка Рейснер, согласно которой от близорукости большевиков пострадает не мировая революция, а конкретная нация, Афганистан, и его «бедный эмир» Аман-Аллах.

По прибытии в Москву Рейснер искала союзников. Г.В. Чичерин рассказывал ей про убежденность Сталина в том, что афганцы — это «разбойничье племя, развращенное столетними английскими подачками»; в силу же того, что большевики не могли даже надеяться состязаться с предложением англичан, Сталин не видел смысла в поддержке Афганистана. Чичерин посоветовал Рейснер в качестве альтернативы обратиться к Яну Рудзутаку, соратнику Сталина, только что вернувшемуся из Ташкента. Рейснер рассказывала Раскольникову, что она проспорила с Рудзутаком два с половиной часа, и что защита Рудзутаком интересов Средней Азии вынудила Рейснер выругаться: «Пойдите Вы к черту с Вашей Бухарой!» В конце концов Рудзутак пообещал убедить Сталина начать отправку материальной помощи Афганистану. Москва отвергла требование англичан отозвать Раскольникова и даже совершила неординарный шаг, позволив Раскольникову принять медаль

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2129. Л. 45.

² РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 11.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 31. Л. 7; Ф. 17. Оп. 3. Д. 336. Л. 2.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 338. Л. 8.

⁵ РГАСПИ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 80.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 94–95.

от афганского правительства. Политбюро настаивало, что советским дипломатам не разрешалось и не будет разрешено получать медали от капиталистических правительств, но решило «в виде исключения разрешить тов. Раскольникову принять орден от афганского правительства, как правительства угнетенной империализмом страны»¹. Решение Политбюро было явно исключительным, но оно признавало, что несоциалистические страны могли быть разделены на угнетателей и угнетенных.

Как бы то ни было, последнее слово не было произнесено, и еще несколько раз в течение 1920-х гг. Раскольников добивался поддержки для Афганистана². Он продолжал говорить на языке, который усвоил в Афганистане, и в декабре 1923 г. являлся советником в комиссии, признавшей сотрудничество с Италией для экономического развития Афганистана соответствующим интересам Советского Союза³. В ноябре 1925 г., когда советские войска отбили у афганских пограничников остров Урта-Тугай, Раскольникова вызвали для определения советской позиции в последующих переговорах⁴. Раскольников снова оказался по другую сторону баррикад от представителей советской Средней Азии, и в итоге остров был возвращен Афганистану⁵. Рейснер рассталась с Раскольниковым и готовилась к еще одной поездке, в этот раз на Запад. До отъезда она писала Раскольникову, что по вечерам навещала Федора Ароновича Ротштейна, в свое время большевистского представителя в Тегеране. Рейснер усматривала много общего между ее собственным отчаянием в Кабуле и безысходностью Ротштейна в Тегеране. Вместе они «пили чай и ругали Сталина» за неспособность Москвы защитить от угрозы империализма такие восточные государства, как Иран и Афганистан⁶. Жалоба Рейснер характеризует ту второстепенную роль отношений с неевропейскими государствами, которая была характерна для советского руководства вплоть до волны деколонизации в 1950-х гг.

Анкара. 1922–1923

В отличие от Раскольникова и Рейснер, Аралов много размышлял об экономике, отправляясь на свой новый дипломатический пост в начале 1922 г. Перспектива открытия экспортного рынка в Турции внушала оптимизм в Москве и на Кавказе. На корабле, везущем товары для торговли, Аралов пересек Черное море и сошел в турецком порту Самсун⁷. Поразительным свидетельством наложения друг на друга его дипломатической и экономической службы является тот факт, что Аралов первые три месяца своего пребывания в Анкаре подчинялся одновременно Наркоминделу и Наркомвнешторгу⁸. Обеспокоенность Аралова была сходна с опасениями Раскольникова в Афганистане: он тревожился из-за присутствия английского

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 373. Д. 1.

² См.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 23.

³ Там же. Л. 32.

⁴ См.: *Panin S.B. The Soviet-Afghan conflict of 1925–6 over the island of Urta-Tugai // Journal of Slavic Military Studies. 1999. Vol 12. N 3. P. 122–133; Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан... С. 110–135.*

⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 532. Л. 35.

⁶ Там же. Ф. 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 99.

⁷ *Иванов Н.Н. Перспективы товарообмена России с Турцией. 3 мая 1921 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 531. Л. 64–81; Письмо Чичерина Красину. 23 июля 1923 г. // Там же. Д. 1686. Л. 8.*

⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1686. Л. 13; Там же. Д. 842.

капитала и возлагал надежды на то, что немецкие или итальянские альтернативные источники капитала смогут гарантировать Турции экономическую независимость. Два с лишним года в Кабуле заставили Раскольникову признать принципиальную важность экономического развития, тогда как Аралов прибыл в Анкару, уже будучи убежденным в этом. Очевидна была необходимость развития Турции после многолетней разрушительной войны. Вместе с тем Аралов с трудом вникал в особенности страны, которая на протяжении долгого времени билась над теми же вопросами, что и он¹. Время, проведенное Араловым в Турции, можно считать в некотором смысле провалом. Он не воспринимал тревогу принимающей стороны по поводу экономической независимости, и в конечном счете на его место в качестве замены прислали Сурица. Различия в достижениях Аралова и его преемника указывают на то, что советские дипломаты постепенно узнавали, что Турция, как и Советская Россия, сопротивлялась западному капиталу, но по-своему.

Аралов прибыл в Анкару 27 января 1922 г., и обстановка показала ему знакомой. Первые впечатления Аралова в Анкаре только подкрепили его убежденность в опасности «серьезного продвижения западного капитала и американского в Анатолию»². На открытии Торгового представительства в Анкаре он объявил, что в отличие от капиталистического Запада Советская Россия намеревалась задействовать торговлю, чтобы помочь Востоку «стать на собственные промышленные ноги»³. В этих его словах была доля правды, если учесть, что на протяжении почти всех 1920-х гг. Советская Россия обменивала нефть и цемент на турецкие апельсины и лимоны. Сегодня трудно выяснить, с какими именно словами выступил на встрече с Араловым представитель из Мерсина Салахаддин-бей⁴, но Аралову показалось, что эти слова свидетельствовали о том, что турки усвоили «сознание опасности попасть в условия тяжелой иноземной эксплуатации»⁵. Одна из причин, по которой Салахаддин и другие турецкие политики с такой готовностью приезжали к Аралову, заключалась в том, что Советская Россия была одним из немногих иностранных государств, признавших анкарское правительство и направивших свое представительство в Анкару. Аралов чувствовал себя задавленным визитами недавно назначенных правительственных министров, жаждущих получить консультацию советского представителя. Министр экономики Серры-бей⁶ неоднократно приезжал для обсуждения иностранных концессий⁷. Три законопроекта, доставленные Аралову («о праве разработки недр земли, о предприятиях, сдаваемых на эксплуатацию на концессионных основаниях, о выработке нового таможенного устава и ставок ввозных пошлин»), убедили его в том, что турецкие коллеги имели дело с трудностями, похожими на трудности Советской России⁸. Правительства обеих стран пытались контролировать вхождение западного капитала в экономические сферы, ставшие особенно уязвимыми из-за отставания в развитии и разрушений Первой мировой войны.

¹ См.: *Toprak Z. Türkiye'de Milli İktisat, 1908–1918. Istanbul, 2012.*

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2204. Л. 36. 14 февраля 1922 г.

³ Письмо Аралова Чичерину. 1 марта 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 16.

⁴ Hüseyin Selâhattin Köseoğlu.

⁵ Письмо Аралова Чичерину. 25 марта 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 44.

⁶ Sırrı Day.

⁷ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 16.

⁸ Письмо Аралова Чичерину. 22 февраля 1922 г. // Там же. Л. 3.

Даже при том, что Аралов полагал, что нашел единомышленников, он был разочарован тем, что изменения в Турции не происходили более высокими темпами. В разочаровании Аралова легко прочитывается его убежденность в необходимости участия государства в организации экономической жизни страны. Концессии и тарифы, безусловно, являлись частью государственного регулирования экономики, но Аралов особое внимание уделял тому, что Серры-бей говорил о национализации различных отраслей экономики¹. Аралов констатировал, что проблема Турции заключалась не в отсутствии капитала, а в том, что капитал существовал «в очень неорганизованном виде»² и был «разбросан по всей Анатолии»³. В таком состоянии турецкий капитал мог с большой вероятностью «уплыть для торговли с Западом»⁴. Аралов предполагал, что монополия внешней торговли Советской России предназначалась для решения схожей задачи — установить контроль над товарообменом с Западом. Он отмечал, что надеялся использовать советское Торговое представительство с подобной целью для организации турецкого капитала. Как и Раскольников, Аралов надеялся, что Москва сможет использовать финансовые ресурсы Германии. Он хотел привлечь немецкий капитал для открытия нового турецкого банка «под русской вывеской» и «при участии русских директоров», чтобы этот банк уменьшил зависимость Турции от иностранных капиталов⁵. Аралов был намерен создать русско-турецкое торговое общество; он заявлял: «Я ставлю необходимым условием концентрацию турецкого капитала около этого общества»⁶. Идеи Аралова могут показаться надуманными, но тем не менее всего два года спустя берлинский *Garantie und Kreditbank für den Osten* участвовал в переговорах о создании советско-турецкого смешанного акционерного общества⁷.

Не прошло и нескольких месяцев после приезда Аралова, как удача стала ему изменять. Он так и не смог признать, что нарастающий советско-турецкий конфликт частично возник из-за разного понимания экономических императивов Турции. В апреле в Москве задержали ряд турецких дипломатов по обвинению в шпионаже, а в августе в советском полпредстве вспыхнул пожар. Обе стороны вначале рассматривали эти события как сигналы перемен в отношениях, но в конечном итоге влияние этих происшествий на общий курс советско-турецких отношений было сведено к минимуму⁸. Экономическое представительство самой Советской России на поверку оказалось намного более трудной задачей. Исмет-паша встретился с Араловым 4 ноября для разъяснения причин, по которым его правительство требовало прекращения деятельности Внешторга в Турции. В силу того, что Внешторг являлся правительственным представительным органом с российским флагом, но отвечал за торговлю, турецкое правительство выражало обеспокоенность тем, что коммерческое предприятие приобрело статус экстратерриториальности⁹. По всей видимости, Аралов был

¹ Письмо Аралова Лежаве. 11 апреля 1922 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 842. Л. 1.

² Письмо Аралова Лежаве. 25 февраля 1922 г. // Там же. Л. 27.

³ Письмо Аралова Чичерину. Середина марта 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 33.

⁴ Там же.

⁵ РГАСПИ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 842. Л. 27.

⁶ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 33.

⁷ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 1873. Л. 21–24.

⁸ Письмо Аралова Карахану. 8 мая 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2204. Л. 114; АВП РФ. Ф. 4. Оп. 39. Папка 233. Д. 53020. Л. 153.

⁹ Разговор с Исмет Пашой. 4 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 58. Л. 114.

не осведомлен, что статус европейских фирм в османской коммерческой деятельности в XIX в. проливал свет на то, почему новое турецкое правительство особенно болезненно реагировало на проблему экстратерриториальности. Аралов требовал, чтобы его отозвали в Москву в качестве показательного примера, сравнил свое положение с нахождением в лагере врага и пытался найти объяснения того, что ему представлялось внезапной переменой в турецкой политике¹. Несмотря на настоятельные уверения Рауф-бея², что закрытие Внешторга не являлось политическим актом, Аралов уведомлял Москву: «Существо дела находится в их взаимоотношениях с Францией»³. Он был убежден, что турецкие возражения против Внешторга были несущественны, и что они отражали новую расстановку сил на международной арене.

Неспособность Аралова понять обеспокоенность турок положением Внешторга привела к серьезному ухудшению советско-турецких отношений и его замене. На Лозаннской конференции Г.В. Чичерин встретился с турецкой делегацией и выслушал их жалобы на Аралова⁴. Эти отчеты наряду с его собственным разочарованием побудили Чичерина высмеять Аралова и его «чувствительную душу милого русского интеллигента»⁵. В письмах своим коллегам Чичерин подчеркивал, что Аралову нельзя доверять, что он был склонен к «скороспелым выводам» и усматривал в действиях турков то, чего не было⁶. Если Аралов видел, как турецкий министр подавлял чихание и затем сообщал в Москву, что министр «недовольно морщился», то Чичерин пытался понять контекст турецкого сопротивления Внешторгу. В Лозанне Чичерин не раз встречался с Риза Нуром и Исмет-пашой и начал понимать суть попытки турецкого правительства трансформировать османскую многонациональную экономику в турецкую национальную экономику. Чичерин сообщал, что в Анкаре «туркизируют банки и коммерческие предприятия»⁷. По его замечанию, именно это объясняло происходящее с Внешторгом: «В такой момент, когда турки отовсюду выгоняют иностранцев, иностранное производство, иностранную торговлю <...> понятно, что эта ксенофобия отражается и на нас, и еще более обостряет и без того трудный вопрос о Внешторге»⁸. Чичерина не покидала надежда, что могла быть достигнута договоренность, позволившая бы Внешторгу продолжить вести деятельность в Турции, но он признавал, что Москве придется приложить много сил, чтобы понять особенности турецкой политики.

Я.З. Суриц приехал в Анкару в июне 1923 г., и ему стало понятно, что конфликт с Внешторгом отражал самые что ни на есть реальные опасения турок. Его выбрали на замену Аралову частично из-за того, что он считался экспертом по торговым отношениям⁹, и вскоре после прибытия Сурица Политбюро дало ему распоряжение выяснить, что именно во Внешторге напоминало Турции о наследии подчинения

¹ Письмо Аралова Чичерину. 24 октября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2205. Л. 135.; Письмо Аралова Чичерину. 7 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 177.

² Rauf Orbay.

³ Письмо Аралова Чичерину. 9 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 58. Л. 4; Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 177.

⁴ Письмо Чичерина Литвинову. 9 декабря 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 19. Л. 64.

⁵ Письмо Чичерина Литвинову. 23 января 1923 г. // Там же. Л. 289.

⁶ Письмо Чичерина Литвинову. 21 декабря 1922 г. // Там же. Л. 115.

⁷ Письмо Чичерина Литвинову. 19 декабря 1922 г. // Там же. Л. 100.

⁸ Письмо Чичерина Литвинову. 10 января 1923 г. // Там же. Л. 228.

⁹ Письмо Красина Чичерину. 7 мая 1923 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1649. Л. 329–330.

Османской империи европейскому империализму¹. Очень быстро Суриц осознал, что конфликт с Внешторгом более глубинный, чем он полагал, и что этот конфликт не зависел от общего курса советско-турецких отношений². С замечательной ясностью он докладывал в Москву о том, что конфликт с Внешторгом был связан «в представлении турок с действительным и реальным осуществлением своей независимости»³. Более того, он пришел к выводу, что это не было культурной особенностью, а являлось плодом турецкой экономики: «Мы не учли, что органы нашей внешней торговли, по самой своей идее призванные сыграть роль барьера против натиска более сильного капитала, в странах со слабо развитой экономической структурой превращаются в свою противоположность — в органы экономической эксплуатации»⁴.

Турецкие коллеги помогли понять причины, по которым Внешторг создавал трудности в Анкаре, а разговор Сурица с тогдашним министром экономики Махмудом Эсатом был крайне показателен. Махмуд Эсат озвучил то же ощущение турецкой экономической отсталости, которое Суриц транслировал в Москву. Турецкий министр экономики поднял «вопрос этатизма» и признал, что «Турции придется стать на путь огосударствления отдельных отраслей своего хозяйства, в частности своей внешней торговли»; но, учитывая крайнюю нужду Турции в иностранном капитале и тот факт, что Советская Россия была не в состоянии предоставить этот капитал, Турция была вынуждена обратиться к Западу⁵. Советский Внешторг являлся моделью, которую Махмуд Эсат ассоциировал с этатизмом, и он сочувствовал такой модели, но для Турции время было неподходящим. В отличие от Аралова, Суриц выслушивал своих турецких коллег по экономическим вопросам и подробно отчитывался об этих встречах Москве. Он прослужил в Анкаре больше десяти лет, вплоть до того момента, когда этатизм, о котором говорил Махмуд Эсат, стал официальной частью государственной политики Турции в 1931 г.

Заключение

Собранные в этой работе высказывания рассеяны в переписке, которая охватывает широчайший спектр вопросов. Этот материал мог бы быть скомпонован по-другому, и, пожалуй, само собой разумеющимся было бы использовать эти сведения в качестве части повествования о советской внешней политике в Турции и Афганистане. Однако освещенные здесь события показывают, как советские дипломаты были вовлечены в транснациональную историю становления послевоенного мира. За последние два десятилетия турецкие историки продемонстрировали, насколько элиты Турецкой Республики были поглощены созданием национальной экономики, определенной в этнических категориях, а Чичерин и Суриц это видели уже тогда⁶. Причем когда Суриц старался разъяснить Москве положение дел в Турции,

¹ Проект директивы Сурицу. 4 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 364. Л. 4.

² Письмо Сурица Карахану. 17 июня 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2158. Л. 25–27; Письмо Чичерина Сурицу. 12 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 57. Л. 117.

³ Письмо Сурица Карахану. 19 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С-Турция. Д. 103. Л. 11.

⁴ Там же.

⁵ Записка Сурица в НКВД. 4 октября 1923 г. // Там же. Л. 46–49.

⁶ *Bali R. Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Serüveni, 1923–1945.* İstanbul, 1999; *Aktar A. Varlık Vergisi ve 'Türkleştirme' Politikaları.* İstanbul, 2000.

ему не представилось сложным обрисовать экономику Турции в знакомых понятиях. Ввиду того что капитал в Османской империи находился в руках иностранцев, борьба турок приобрела особенно националистический характер; впрочем, этапы этой борьбы были аналогичны российским. Суриц писал, что после периода «военного национализма» Турция вступает в полосу «своего национального НЭПа»¹. А турецкое правительство, предсказывал он, будет вскоре бороться «за известные экономические “высоты”»². Суриц приехал в Анкару после службы в Кабуле и был одним из немногих, чьи действия связывали Москву, Кабул и Анкару между собой, равно как и с другими частями света.

Данная работа далека от намерения утверждать, что Советская Россия предложила альтернативную модель экономического развития в начале 1920-х гг. Суриц не скрывал, что для него соперничество с Англией в Афганистане не сводилось к тому, вступит ли Афганистан в союз с социалистической Россией или с капиталистической Англией. Напротив, для него вопрос состоял в том, сможет ли Афганистан развиваться самостоятельно и могла ли Советская Россия помочь Кабулу. Суриц, безусловно, относил Афганистан к категории, отличной от Советской России, но он надеялся, что равная обеспокоенность экономическим преимуществом Запада способствует выработке общего языка для диалога двух стран. Язык этот не был собственно продуктом марксистско-ленинской идеологии — даже до Первой мировой войны османские политики начали развивать идеи о централизованном управлении экономикой, и важную роль в этой дискуссии сыграл русский эмигрант Александр Гельфанд-Парвус³. После войны для Махмуда Эсата было вполне естественным вернуться к языку этатизма в разговоре с Сурицем. Как бы очевидны ни были основания для сотрудничества в экономической сфере, перемены во взглядах Раскольниковца и неспособность Аралова добраться до сути в ситуации с Внешторгом свидетельствуют о сложном процессе взаимного познания.

¹ Письмо Сурица Карахану. 19 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С-Турция. Д. 103. Л. 18.

² Там же.

³ См.: *Toprak Z. Türkiye’de Milli İktisat; Kieser H.-L. World War and World Revolution: Alexander Helphand-Parvus in Germany and Turkey* // *Kritika*. 2011. Vol. 12. N 2. P. 387–410.